

К. Головина, Л. Аверьянова, А. Савиных

ЯПОНСКИЕ ДЕТСКИЕ КНИГИ С КАРТИНКАМИ ЭХОН: ТРИ АУТО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ОЧЕРКА

Данная статья посвящена эхон — детским книгам с картинками в японской литературе. Статья состоит из трех ауто-этнографических эссе, в которых раскрываются особенности и функции этого жанра, а также описываются практики, связанные с бытованием эхон в повседневной жизни японского общества. Авторы эссе — матери детей из русско-японских браков, проживающие в Японии. Наряду с другими особенностями, авторы отмечают единство текста и иллюстраций, обилие ономастических элементов, интерактивную и дидактическую составляющую эхон, предлагая выделить их в самостоятельный жанр среди детских книг с картинками.

Ключевые слова: Книга с картинками, эхон, японская детская литература, ономастика, чтение вслух, детские салоны, интерактивное чтение, дидактика.

В японском словаре детской литературы содержится следующая дефиниция *эхон* — жанра, берущего свое начало в традиции свитков *эмакимоно*, в частности «Тё:дзю:гига» XII в., изображающего животных [Сигэру 1970, с. 72–73]. Итак, *эхон*:

Книга, предназначенная для детей, не владеющих техникой чтения или еще только осваивающим оное, основная цель которой — передача смысла картинки. Есть книги, которые состоят исключительно из картинок, но в типичной эхон имеются как картинки, так и текст (слова). В таком случае, идеальным является вариант, где картинка и текст соединены, объединены «одним дыханием». Ошибка предполагать, что картинка — лишь украшение к тексту. Так как эхон — первая книга, с которой человек сталкивается в своей жизни, она тесно связана со становлением индивида. Следовательно, она в разной степени сопряжена с психологией, педагогикой, лингвистикой, эстетикой, литературой, медициной, этнологией, философией, мышлением, естествознанием, а иногда и с религией и политикой. Однако, основными составляющими прежде всего являются элементы, связанные со словами, картинками (иллюстрациями), сюжетной линией и букмейкингом <...> [Энциклопед. дет. лит. 1988, с. 96–97]¹.

Авторы эссе, включенных в данную статью, фокусируются на какой-либо из характерных черт *эхон*, а также на особенностях практик их чтения дома, в библиотеках, в «детских салонах» и приводят примеры, иллюстрирующие особенности *эхон*, объясняя и расширяя приведенное выше определение. Так, Ксения Головина описывает особенности *эхон*, реализуемые посредством органичной связи между текстом и иллюстрациями, усиливающей визуальную функцию книг с картинками, а также являющейся ключом к грамотному, с точки зрения эмоциональной нагрузки, чтению вслух. Людмила Аверьянова обращается к дидактической составляющей *эхон* в контексте воспитания в детях полезных привычек, показывая, как педагогическая цель достигается с помощью приемов интерактивного чтения, указывая на действенность книжек с картинками в процессе эмоционального воспитания. Анна Савиных детально рассказывает о практиках чтения — «детских салонах», а также обсуждает особенности некоторых известных в Японии *эхон* как книг, не поддающихся пониманию взрослого, находящихся вне поля их восприятия. Авторы обращают внимание на обилие использования в японских книгах с картинками ониматопей.

Каждое из эссе в форме обзора обращается к анализу японских детских *эхон*, в настоящее время еще не переведенных на русский язык и не представленных на российском книжном рынке.

1. ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЭХОН: СЕРИЯ ДЕТСКИХ КНИГ С КАРТИНКАМИ «НОНТАН, ПОИГРАЕМ!»

(Ксения Головина)

Первые японские детские книги с картинками появились в нашем доме несколькими месяцами спустя после рождения сына, благодаря его японской бабушке. Получив образование в области детского воспитания, в молодости бабушка работала в детском саду, а затем на протяжении двух десятилетий воспитывала двоих детей, пока они не достигли совершеннолетия, приходящегося в Японии на двадцатый год жизни. То ли в связи с этим опытом, то ли потому, что в воспитании детей и заботе о них бабушка видит свое предназначение, она обладает совершенно уникальными качествами: может в одно мгновение успокоить плачущего младенца, уложить спать разбуянившегося ребенка, провести много часов, сидя на полу и играя с детьми в *мама-гото* (дочки-матери), а детскую книжку прочитать так, что не только дети, находящиеся в комнате, сядут перед ней в линеечку, наострив уши, но и взрос-

лые оторвутся от своих дел, увлеченные разворачивающимся повествованием.

Книги с картинками *эхон*, появившиеся в нашем доме, предназначены для детей дошкольного возраста и отличаются от детских книг на русском языке, окружавших автора в его позднесоветском детстве, рядом особенностей. Будучи начинающим исследователем в области детского чтения, автор, тем не менее, выражает надежду, что его «сырые» этнографические наблюдения помогут выявить закономерность, присущую детской японской литературе для самых маленьких.

Итак, каковы же особенности японских *эхон*? Во-первых, на каждую страницу или разворот приходится минимум текста, не более одного-двух предложений, которые при этом разбиты на сегменты, каждый из которых начинается с новой вертикальной строки. В некоторых случаях текст написан наискосок, то есть, например, может проходить через всю страницу от ее верхнего левого до нижнего правого угла, или разбросан по всему двухстраничному развороту книги. Такие приемы используются в случаях, если текст относится к той части сюжетной линии, иллюстрируемой картинкой, в которой задействована определенная эмоция — удивление, страх, волнение. Текст напечатан крупно, азбуками *хирагана* и *катакана*, и расположен не под картинкой в специально отведенном под текст «белом» отделе страницы, а посередине страницы, часто на одном уровне с картинкой, в определенной степени являясь ее частью. Таким образом, текст и картинка взаимно органичны и представляют собой единое целое. Если же текст расположен в отдалении от картинки, и отдаление создает пустое пространство — то это пространство также имеет функцию передачи определенной эмоции, например, беспокойства². Данные особенности дают возможность говорить о японских книжках с картинками как о «визуальной литературе» [Скаф 2014], где к чувствам апеллируют изображение как картинки, так и самого текста. Однако важно отметить, что при всей их визуальной значимости, детские *эхон* прежде всего рассчитаны на чтение вслух. Ребенок, выучивший текст наизусть от родителей и воспитателей, многократно пересказывающих ему книжки, впоследствии также «читает» (на самом деле, пересказывает) их вслух самостоятельно.

Текст рассказов прост, в нем много повторов (как и в сюжетной линии как таковой) и онomatопей. Слова, которые должны быть прочитаны нараспев или наоборот укороченно, на эмоциональном

подъеме, нередко снабжены различными знаками — многоточием, знаками восклицания или знаком удлинения *тё:онну*. Кинукава [2008] выдвигает гипотезу, что вышеописанные расположение текста и знаки эмфазы, на самом деле, функционируют как «ноты» для чтеца, помогая ему, не опираясь на какие-либо аудиоматериалы (кроме своего собственного опыта слушания подобных книг в детстве), прочесть текст наиболее грамотно, с точной расстановкой цезур, тем самым правильно передав эмоции, заложенные в текст авторами.

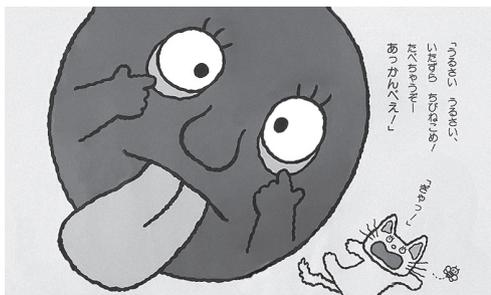
В районной библиотеке неподалеку от дома автора в Токио есть большой отдел детских книг — яркая светлая комната со множеством невысоких полок с книжками. Там раз в неделю в определенное время волонтеры читают в течение получаса книги детям. Вокруг чтеца или чаще чтицы собираются родители, в основном мамы, с маленькими детьми, которые рассаживаются на полу. Чтение не монотонно, изобилует цезурами, замедлениями и ускорениями, определенным связующим темпом, сменой регистров при передаче голосов разных персонажей и звуков, однако не переходит в разряд театральной перформативности. Именно так читает и японская бабушка сына автора, и знакомые японки, чье чтение автору довелось услышать. То есть, хотя чтение детских книг и предполагает некоторое мастерство, приходящее, скорей всего, с опытом, оно не требует профессиональных навыков. Возможно, традиция сказительства — в таких традиционных формах искусства, как кукольный театр *дзёрури*, сопровождаемый сказом под аккомпанемент традиционного струнного инструмента *сямисэн*, или *ракуго* — формы устной сатиры, оказали влияние на формирование особенностей чтения вслух. Здесь можно провести некоторые параллели. В частности, сказитель театра *дзёрури* разучивает сказ, который состоит из множества элементов — от повествования до пения, именно по тексту, написанному для легкости прочтения крупным жирным почерком, с различными отметками, а также посредством подражания своему наставнику. Таким образом, рукописный текст с отметками и есть его «ноты». Если следовать гипотезе Кинукава [2008], приведенной выше, то можно предположить, что текст современных детских книжек функционирует так же, как и текст сказителей и рассказчиков в традиционных формах японского искусства.

Одной из наиболее популярных *эхон* является серия «Нонтан, поиграем!», описывающая приключения белого котенка Нонтана. Эти книги, по наблюдениям автора, часто читаются в библиотеке,

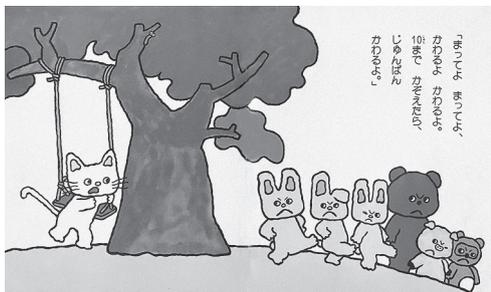
их любит читать и японская бабушка, в доме у которой хранится вся коллекция этой серии. Одну такую книгу, рассказывающую об эпизоде взаимоотношений Нонтана и его младшей сестры Та:тан, бабушка подарила нам перед рождением второго ребенка.

Основная серия, посвященная Нонтану, состоит из 21 книги и рассчитана на детей старше трех лет, но существует и подсерия, адресованная читателям в возрасте от 0 до 3-х лет. Первые книги про Нонтана появились в 1976 г., первоначальными авторами серии были супруги-иллюстраторы Оотомо Ясуоми (1934–1995) и Оотомо Сатико (1947–2008). После распада брачного союза серию продолжила госпожа Сатико, поменяв фамилию на Киёно. Благодаря тому, что супруги издали сборник эссе («Нонтан вдвоем»), рассказывающий о процессе создания книг о Нонтане, у читателей появилась возможность узнать о том, как родилась идея создания героя и какие шаги были предприняты как самими авторами, так и издателями, для того, чтобы Нонтан полюбился широкой публике [Оотомо и Оотомо 1982]. Так, в частности, важно то, что, несмотря на кажущуюся незамысловатость картинок, они выполнены в многоступенчатой художественной технике, берущей свои истоки в эпохе Хэйан.

Имя *Нонтан* — мужское, состоящее из сокращенного от имени *Норшоки* «Нон» и уменьшительно-ласкательного суффикса «тян», из которого убраны йотированные звуки для того, чтобы имя легче произносилось детьми. Нонтан задуман как озорной персонаж, склонный к шалостям, с которым ребенку легко самоидентифицироваться. Первая книга, которую создали супруги, называется «Акамбэ Нонтан», где *акамбэ* — ономапоэтическая передача звука, собственного высунутому языку. В этой книге Нонтан, распугивая всех на своем пути, показывает язык различным персонажам, включая солнце, до тех пор, пока и солнце, и даже комната, в которой живет

Киёно С. Акамбэ Нонтан. 2013 (1976).
Солнце показывает язык Нонтану

Киёно С. Нонтан, дай покачаться на качелях! 2010 (1976). Нонтан обещает уступить качели

котенок и куда возвращается после дня озорства, не «показывают» ему язык в отместку. Нонтану страшно, он получает хороший урок, но тем не менее не решается полностью отказаться от идеи показывания языка, потому как это «очень весело».

Любопытно, что, хотя авторы настаивали на том, чтобы именно эта книга, их первое творение в серии, была издана раньше других, издатель уговорил супругов первой выпустить книгу «Нонтан, дай покачаться на качелях!». С точки зрения издателя, к Нонтану нужно было, прежде всего, расположить матерей, а показывание языка вряд ли могло быть воспринято ими как нечто положительное. В книге «Нонтан, дай покачаться на качелях!» также присутствует множество элементов, указывающих на шаловливый характер Нонтана, но, поскольку она учит эмпатии, именно на эту книгу пал выбор издателя. Асака [2014] приводит пример данной книги в контексте дискуссии про феномен «включения» как одной из ценностей как традиционного, так и послевоенного японского общества. В этой книге Нонтан долго отказывается дать возможность покачаться на качелях своим друзьям, все время останавливая счет на цифре «3», вместо обещанной «10» (достигнув десяти, он должен освободить качели), пока совместными усилиями персонажи не доводят счет до десяти, тем самым обеспечивая доступ к качелям всем присутствующим.

В ходе лонгитюдных антропологических исследований, проводимых в Японии, автору удалось зафиксировать множество случаев манифестации данной ценности. В частности, одна из русскоязычных информантов рассказала о ситуации, во многом похожей на сюжет книги, описанный выше. Когда она поехала в развлекательный парк со своим ребенком, неоднократно посещавшим

это место, и его друзьями, а также их родителями-японцами, направлявшимися туда впервые, ей пришлось, получив замечание от приехавших вместе родителей, объяснить своему ребенку, что он не должен уходить на уже знакомые аттракционы самостоятельно, несмотря на то, что он уже хорошо знал систему в парке и в одиночку мог бы посетить гораздо большее количество аттракционов. Родители же — японки — напомнили ей, что все приехавшие должны быть «включены» в процесс, иначе в совместном мероприятии нет смысла.

Еще одна книга серии «Нонтан, поиграем!», на которой мне хотелось бы заострить внимание, — «Паппара панаси». «Паппара» — авторская ономотоппея, выражающая состояние беспорядка в комнате, вероятно, по ассоциации с шуршанием разбросанной бумаги. «Панаси» — суффикс, присоединяемый к глаголам и придающий им значение отсутствия изменения достигнутого состояния. В частности, если сказать «тиракасиппанаси», дословно это будет переводиться как «остаться в неубранном состоянии». Все эти слова, звучные и легко запоминаемые, как и любая ономотоппея, повторяются в тексте многократно, материализуя как само состояние беспорядка, так и спектр ощущений, сопряженный с ним. После того, как Нонтан несколько раз отказывается убираться в своем доме и в доме у своих друзей-животных, бумажки и другой мусор, окружающие котенка, заявляют ему, что теперь они никогда от него не отстанут, потому что они его очень полюбили. В этом мусор, пеленой окутывающий героя, оказывается сродни нечисти — лисам и змеям — в контексте феномена *хэ:и* из японского фольклора, «прилипающей» к человеку или его дому. Нонтану это неприятно, и он начинает долгожданную уборку, отвечая мусору, что он-то его совсем не любит. В конце Нонтан обещает читателям пойти убраться в доме у своих друзей.

Чем больше ребенку читают книги этой серии, тем больше он привыкает к определенному типу сюжетной линии: динамичное введение проблемы, ее повторение в двух или трех похожих ситуациях, конфликт, часто «мистический» (комната показывает язык, мусор выражает чувство привязанности), и переосмысление, рефлексия ситуации главным героем, заставляющие его предпринять правильное с социальной точки зрения действие. При этом невозможно отрицать определенную магию звучания ономотоппей. Если впоследствии ребенка нужно пожуричь за беспорядок, слов *паппара панаси!*, сказанных с выражением, оказывается достаточным. Таким

образом, сюжетная линия приобретает свою действенность благодаря выразительности языковых средств, подкрепляемых чтением вслух, ключ к правильному воспроизведению которого можно найти в самой книге; расположению и размеру текста и картинок. Также необходимо отметить приближенность этих языковых средств к закрепленному в картинке реальному миру, которая достигается посредством не абстрактно-нарративного описания ситуации, а через передачу звучания материального и живого мира.

2. ДИДАКТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ И ИНТЕРАКТИВНОСТЬ ДЕТСКИХ КНИГ ЭХОН

(Людмила Аверьянова)

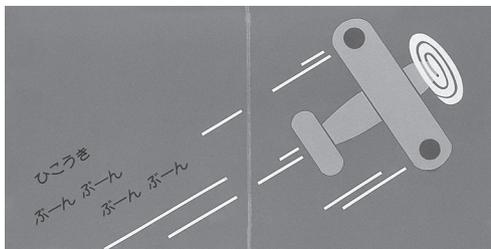
Первое же знакомство с японскими детскими книгами естественным образом привело меня к необходимости вести диалог двух культур — японской и русской — настолько они отличались от книг моего советского детства. Иллюстрации Врубеля, Васнецова, Билибина, Сутеева, Мавриной; тексты Пушкина, Маршак, Чуковского, Барто и т. д., даже те же потешки и прибаутки — резко отличаются от тех книг, с которыми встретился мой ребенок на первом году жизни. Когда нашей дочери, рожденной в Японии, исполнилось три месяца, мы получили в подарок от муниципалитета книжку автора и иллюстратора Мацуи Норико.

Это типичная для Японии детская книга с картинками — *эхон*. В ней ребенок с легкостью узнает звуки из своего ближайшего окружения — *дзя:-дзя:* (шум льющейся воды), *бири-бири* (звук легко рвущейся бумаги), *ван-ван* (лай собаки), *буун-буун* (звук летящего самолета). Книга увлекает маленького читателя легкоу-

Мацуи Н. Дзя:-дзя:, бири-бири. 2011 (1983). Первая *эхон*, подаренная дочери муниципалитетом

знаваемыми бытовыми явлениями и звукоподражательной лексикой, которая отличается выразительностью и занимает значительное место не только в «детском» японском языке, но и в языке взрослых. Найти аналоги ономапоэтической лексики в русском языке не всегда возможно, и там, где русская книжка будет содержать глаголы и прилагательные, японская *эхон* обойдется коротким, но эмоционально емким наречием-ономапопеей. Таким образом, эмоциональность выступает как одна из отличительных черт

Мацуи Н. Дзя:-дзя:, бири-бири. 2011 (1983). Бууун-бууун-бууун-бууун (звук мотора летящего самолета)

эхон, неслучайно в библиотеках и книжных магазинах книги с картинками содержат текстурные вставки из различных материалов, развивающих мелкую моторику, наряду с сенсорным и эстетическим восприятием.

Сначала книга Мацуи Норико не вызвала у меня никаких особых ощущений, но вскоре мое отношение к ней изменилось, потому что моя дочь из раза в раз выбирала именно эту *эхон* для совместного чтения. Ономагопеи приводили нашу дочь, которая еще даже не умела сидеть, в неописуемый восторг. Книга «Дзя:-дзя:, бири-бири» стала неотъемлемой частью наших домашних чтений, и мне пришлось выучить ее наизусть. Таким образом, я смогла убедиться на практике, что означает зона ближайшего развития, когда именно совместная деятельность ребенка и взрослого выводит первого на новый уровень развития [Выготский 2004]. Благодаря нашим чтениям, дочери оказалось легко накопить новый социальный опыт. Купаясь, она показывала на струю воды из крана и лепетала, пытаясь воспроизвести *дзя:-дзя:*. На прогулке моментально реагировала на самолет, пролетающий над нами, а во время очередного чтения на странице с самолетом выразительно показывала пальцем в сторону окна.

Казалось бы, что может быть такого особенного в незамысловатых картинках и паре звуков, записанных рядом? Секрет в том, что простые сюжеты из *эхон* тесно связаны с тем, что на самом деле интересует ребенка — с тем, что окружает и всех нас, но для детей являет собой постоянные открытия, которые японские книжки с картинками описывают простым и выразительным языком. Другими словами, в чтении *эхон* ключевую роль играет интерактивная составляющая. Таким образом, сюжеты *эхон*, изначально заимствованные из повседневности, легко разыгрывать сызнава

и повторно включать в повседневность именно благодаря их потенциальной интерактивности.

Хочется отметить тематическое и дизайнерское разнообразие детской литературы в Японии. Здесь присутствует все — от книжек-малышек с кармашками, дырочками, пуговками, зеркалами, магнитами, мягкими игрушками, до виммельбухов, размер которых подчас сопоставим с ростом ребенка. Японские издательства постоянно радуют новыми идеями вовлечения ребенка в процесс чтения. Про качество полиграфии говорить излишне, а оно кажется особенно важным для изданий именно детской литературы.

Знакомству с миром детских книг Японии способствовали и наши с дочкой посещения детских чтений в районных библиотеках, когда в комнате с несколькими коробками книг собиралось до десятка ползающих малышей, и библиотекари устраивали мини-представления с книгами. Во многих библиотеках есть специальные детские уголки с низенькими столами и стульями, может быть мини-сцена и даже отдельная комната со стеклянной стеной, обеспечивающей звукоизоляцию. Сама идея того, что в библиотеке можно шуметь, говорит о том, что в Японии чтение книг детям — это особый вид чтения. Первый раз я задумалась об этом, когда увидела в библиотеке рядом с домом детскую кроватку с бортиками, внутри которой лежала пара книг для самых маленьких читателей.

Библиотеки постоянно меняют экспозиции книг, рекомендованных к прочтению. В сезон любования луной (сентябрь) предлагается подборка книг про естественный спутник Земли, рассчитанная как на малышей (книжка с выпуклым месяцем на обложке), так и на школьников (устройство Солнечной системы). В декабре я увидела на полке с новогодними книгами маленькие красные сапожки Санта-Клауса — бумажные поделки *оригами*. Книги выходят за пределы страниц и оживают в этих маленьких бумажных поделках.

Причин, по которым *эxon* можно выделить как особый жанр детской литературы, много, но в своем эссе я бы хотела остановиться на их дидактической составляющей. Проблемы, связанные с воспитанием в первые годы жизни ребенка, имеют много общего независимо от страны проживания, и на помощь родителям часто приходят книги. В Японии количество детских книг с дидактической направленностью, возможно, сопоставимо с количеством книг о животных. Темы, которые они поднимают, близки маленьким читателям — как помыть голову без слез, как переодеться, как вести себя за столом, как отойти ко сну и т. п.

Здесь я хотела бы рассказать о двух темах — отказе ребенка от овощей с момента введения прикорма и гигиене полости рта. Именно японские детские книги помогли мне в игровой форме успешно решить эти вопросы.

Первое, что меня волновало — сбалансированное питание, где слабым звеном, как подсказывали мне опыт моего детства, а также активное обсуждение данной проблемы в кругах японских мам, был отказ ребенка от употребления овощей. Когда пришло время введения прикорма, мы вместе с дочерью зашли в детский отдел книжного магазина, и я поставила коляску рядом с книжной полкой, где лежало множество детских книг, посвященных теме овощей в нашем питании. Выбор, сделанный ребенком, оказался настолько удачным, что результат превзошел все мои ожидания. Книжка Маки Фумиэ «О-ясай тон-тон» [2012] повествует о том, как варят суп-карри из овощей. Овощи, словно ожившие человечки, сначала знакомятся с маленьким читателем, каждый называя свое имя («Я — картошка»), а затем направляются мыться. После того, как овощи завершают купание, их нужно порезать. Маленькие ручки сами собой тянутся постучать ребром ладошки по твердым картонным страничкам, чтобы «нарезать» овощи. Морковь до сих пор остается одним из самых любимых овощей дочери. Книга выдержала ежедневное многократное прочтение и «нарезку» только благодаря плотным картонным страницам. В конце книги ребенку «подается» тарелка готового блюда, которое так и хочется попробовать.

Следующая тема, волновавшая меня — гигиена полости рта. Хотя я следовала всем рекомендациям стоматолога из центра здоровья, первая попытка почистить зубы ребенку принесла негативные переживания всем членам семьи. Поиски подходящей книги отняли у нас пару недель. При всем богатстве выбора, книги на эту тему казались мне несколько устрашающими из-за экспрессивности приемов иллюстрирования. В конце концов, я остановила выбор на двух интерактивных книжках-панорамах. Не могу сказать, что педагогический эффект был настолько же очевидный, как в случае с книгой про овощи, но пример героев книг, чистящих зубы, и то, что оформление книги позволяло «почистить» зубы всем персонажам, сыграли положительную роль.

Потянув за стрелочки вправо-влево можно почистить зубы зайчику, вверх за стрелочку — льву. После чистки зубов животным на страницах появляется ребенок, который тоже чистит зубы,

Кимура Ю. Хамигаки асоби. 2013. Пример гротескного иллюстрирования

Кимура Ю. Хамигаки асоби. 2013. Пример гротескного иллюстрирования

Эта особенность связана с уже упомянутой особой интерактивностью *эхон*: мир книг тесно связан с бытом и наоборот.

как бы приглашая маленького читателя присоединиться. На последней странице результат — вся компания демонстрирует почищенные зубы и провозглашает: *ника-ника* (передает состояние, когда нечто — в данном случае зубы — блестит чистотой). Аппелляция к данной ономотопее оказалась эффективнее, чем обычное приглашение почистить зубы.

Эхон содержат в себе значительный потенциал привития детям полезных привычек в игровой форме. Сама идея ненасильственного воспитания пронизывает всю педагогическую систему современной Японии и, безусловно, находит выражение в детской литературе. Множество педагогических находок можно почерпнуть из книг с картинками и сразу применить их на практике.

Сакураи Х. Хамигаки сю-сю. 2013. Кю-кю-кю – чистит зубы зайчик. Гаси-гаси – усиленно трет зубы щеткой лев

3. ПЕРВЫЕ ЛЮБИМЫЕ ЭХОН МОЕЙ ДОЧЕРИ: ВИЗУАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА В ПЕРВЫЙ ГОД ЖИЗНИ РЕБЕНКА (Анна Савиных)

Детская иллюстрированная книга — это особый мир, в котором отражается как повседневная культура общества, так и его ценности. И для меня как носителя русской культуры японские книги для детей стали удивительным открытием. До рождения дочери мне не приходилось сталкиваться с японской детской литературой, и я не представляла, насколько она отличается от знакомых всем книг нашего детства.

Прежде всего, мне хотелось бы, исходя из своего опыта, остановиться на том, какое место занимает детская книга в повседневной жизни обычного ребенка в дошкольный период. Книжки в японском обществе окружают ребенка не только дома или в библиотеках, но и в детских центрах, ресторанах и кафе, педиатрических или отоларингологических больницах, пациентами которых часто являются дети, а также в центрах здоровья при районных администрациях, где проходят обязательные профилактические осмотры (в городе Саппоро в четыре и десять месяцев, полтора и три года).

Эти книги — не просто часть обстановки, у них есть свой голос. На бесплатных лекциях для беременных женщин, устраиваемых некоммерческой организацией *Боси эйсэй кэнкю:кай* (Общество исследования вопросов гигиены матери и ребенка)³, проводят чтение *эхон*. Детские книги читают вслух не только в библиотеках, но и в магазинах и детских центрах, информация о месте и времени проведения таких чтений настолько актуальна для родителей, что ее размещают на сайте крупнейшего регионального бесплатного журнала для родителей *Маманаби* (Навигатор для мам)⁴. Большинство читающих вслух — волонтеры, для которых периодически устраиваются лекции по правильному чтению книг вслух, особенностям интонирования и т. п.⁵

Когда мои дети были маленькими, я часто ходила с ними в так называемые «детские салоны» своего города. В Саппоро ежедневно работает Муниципальный центр поддержки воспитания детей, а также есть восемь районных детских центров *Тиафуру*, открытых во все дни недели, кроме воскресенья. Кроме них, несколько раз в неделю работают 74 детских салона (в основном при *дзидо:кай-кан* — муниципальных микрорайонных детских центрах для детей), также действуют организованные некоммерческими организациями

или сообществами микрорайонов «детские салоны», принимающие посетителей в определенное время: обычно в течение нескольких часов от одного раза в месяц до двух раз в неделю. Только в районе, где я живу, насчитывается 14 детских салонов⁶. Эти салоны организованы для родителей с детьми дошкольного возраста, самые частые их посетители — мамы с детьми от 0 до 3 лет. Детские салоны совершенно бесплатны, направлены на создание благоприятной психологической обстановки для родителей и детей: оборудованы детскими игрушками и книгами, а также справочной информацией по воспитанию детей, там же проходят и мероприятия для детей. В этих салонах обязательно проводятся 15–30 минутные занятия, когда работники мэрии, воспитатели или волонтеры читают книги, поют песенки-разминки, ставят мини-представления. Чтение книг вслух — обязательная часть такого занятия, и все дети привыкают к тому, что книги окружают их везде, книги просматривают, листают и читают вслух разные люди.

В своем эссе мне хотелось бы подробно остановиться на двух книгах, которые полюбила моя дочь. Обе книги я покупала не сама: мне их подарила мама моей японской подруги со словами: «Поверь, они обязательно понравятся твоей дочке». Сама бы я вряд ли бы купила их, поскольку они совсем не соответствовали моему образу того, какой должна быть детская книга. Нужно отметить, что в Японии не принята возрастная маркировка детских книг, хотя в книжных магазинах они размещены чаще всего на полках по возрасту, авторам или издательствам. Обе книги, про которые я напишу, обычно стоят на полках под названием «первые книги ребенка».

Самой популярной книгой в возрасте 6–13 месяцев у дочери была книга «Моко моко-моко». Название этой книги, как и практически весь текст, невозможно корректно перевести на русский язык. На каждом развороте книги, представляющем часть непонятного взрослым, но захватывающего детей сюжета, расположены одна-две фразы, каждая из двух-трех слогов, написанных азбукой *хирагана*. Все фразы — ономатопои. Так, *моко* означает нечто выпуклое; *си-н* на первом развороте — ономатопои тишины.

История, если ее можно так назвать, разворачивается следующим образом. Сначала на пустынной местности появляется выпуклость *моко*, которая постепенно растет, что в тексте отражено повторами: *моко-моко*, а затем и *моко-моко-моко*. Рядом с *моко* появляется еще одно существо *нёки* (ономатопои быстро растущих

побегов), которое *моко* съедает со звуком *паку* (по-русски «ам») и жует *могу-могу*.

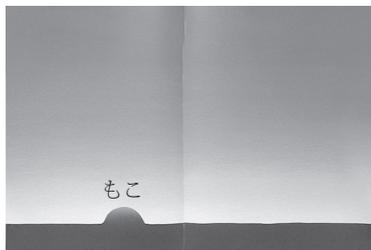
На *моко* со звуком *цун* появляется нарост, который отрывается и падает, потом растет, сверкает (*гира-гира*) и взрывается (*паттин*). Остатки воздушно опускаются на землю (*фунва*), и опять наступает тишина (*си-н*), в которой вновь прорастает *моко*.

Я часто слышала и в беседах с мамами-японками, что «эта странная и непонятная для взрослых книга» пользуется неизменной любовью у детей с момента своего первого издания в 1977 г.

Фразы органично вписываются в изображение. Произнесенные сами по себе, без иллюстрации, без контекста, они будут непонятны. Однако и иллюстрации в изолированности, без ритмичного сопровождения текстом, теряют привлекательность в глазах маленьких читателей.

Единство изображения и текста, превращающее *эхон* в образец уже упоминавшейся «визуальной литературы», характерно для всей японской культуры как «правополушарной», мыслящей образами, где первые исторически элементы письменности — иероглифы — представляют собой картинку, а слова «писать» (書く) и «рисовать» (描く) произносятся одинаково. С этой точки зрения автор считает логичным перенести выводы о когнитивных особенностях китайской культуры и на японскую культуру [Рубец 2013], [Пиленко 2014]. Именно такой вариант книги наиболее органичен для маленьких детей, воспринимающих книгу синкретично как единство текста, иллюстраций, полиграфического оформления и звуков голоса читающего [Елисеева 2008, пункт 1.3].

В Японии часто можно увидеть одну и ту же книгу, изданную в разных форматах — от очень большого (больше А3), рассчитанного на чтение в группе детей, до карманного, который

Таникава С. Моко моко-моко. 2004 (1977).
Главный «герой» книги – *моко*

Таникава С. Моко моко-моко. 2004 (1977).
Любимейший дочерью разворот: *моко* «поедает» *нэки*.

Мацутани М. Инай-инай баа. 2011 (1967). Самая продаваемая в Японии детская книга

удобно носить с собой в сумке и читать во время ожидания чего-либо. Однако именно «Моко моко-моко» я видела только в больших форматах. Стандартная книга — формата А4, что редкость среди книг для малышей. Я думаю, что это связано с особенностями иллюстраций. Тонко градуированные волшебные цвета фона меняются на каждой странице от голубого через синий, зеленый, розовый, голубой, сиреневый, фиолетовый, зеленый, коричневый, серый, фиолетовый вновь к синему и голубому. Они передают как умиротворение в мире этой книги (синий и голубой), так и экспрессию момента (коричневый и серый).

Вторая любимая книга моей дочери также не привлекла бы моего внимания в книжном магазине. Однако это бестселлер детской литературы — самая продаваемая в Японии *эхон*⁷ — изданная впервые в 1967 г. «Инай-инай баа» Миёко Мацутани.

Инай-инай баа — это название самой простой, но любимой малышами всего мира игры «ку-ку!». Учеными давно отмечено, что эта игра развивает мышление, дает представление о том, что Жан Пиаже называл «постоянством объектов»: предмет существует, даже если мы его не видим [Пиаже 2004].

Сейчас существует несколько вариантов книг, более красочных, со страницами, более удобными для перелистывания маленькими ручками. Однако родители в Японии по-прежнему покупают детям именно книгу Миёко Мацутани, и одна из причин этого — память их детства об этой книге.

Следует сразу отметить удивившую меня особенность данной книги — она открывается справа налево и текст расположен вертикально, как в японских книгах для взрослых, несмотря на то что большинство *эхон* читаются слева направо и имеют горизонтальный текст.

Сначала на развороте справа на пастельно-зеленом фоне расположен текст: «*инай-инай баа* (нет-нет... вот она!), смотри, мяу-мяу — *инай-инай...*», продолжение которого идет уже на следующем развороте: *баа* (звук, с которым неожиданно появляется что-либо, «ку-ку!»). На первом развороте кошка закрыла глаза лапами,

а на втором у нее открытая поза: широко разведенные в стороны лапы, широко открытые глаза и рот. История повторяется с медвежонком, мышкой и лисой. На последнем развороте картинка другая: это ребенок по имени Нон-тян, его лицо представлено как открытым, так и закрытым на одном и том же развороте. В его лице нет излишней экспрессии, нет преувеличенно раскрытых глаз и рта, видна улыбка на лице даже там, где он представлен с закрытыми глазами. Иллюстрации этой *эхон* немного пугают меня как взрослого человека, но находят отклик в детской душе, соединяя в единое предсказуемость изменения с неожиданностью последнего.

В этой книге, как и в предыдущей, весь текст написан слоговой азбукой *хирагана* — первой азбукой из двух, которую начинают изучать дети в уникальной системе японской письменности, состоящей из трех графических систем (двух слоговых азбук и иероглифов). Большинство детских книг написано именно этой азбукой, чтобы ребенок мог многократно возвращаться к своим любимым произведениям и после того, как научится читать, чему способствуют и малый объем текста, и его простота. В первых книгах ребенка, так же, как и в русских, существует цикличность, повторяемость отдельных фраз, однако отсутствует развернутый сюжет, характерный для сказок. Лексика первых *эхон* чаще всего очень проста в фонетическом плане, она лаконична, состоит практически полностью из ониматопей и легко входит в речь ребенка. Следует также отметить практически полное отсутствие стихов, основанных на рифме, в японской детской литературе, связанное с особенностями японского языка.

Детская книга представляет собой законченное произведение, которое нужно рассматривать разворотами, а не отдельными страницами, как законченную картину. Таким образом, первые книги *эхон*, окружающие детей в Японии, отражают особенности японского языка и представляют собой синкретичное произведение «визуальной литературы», в котором невозможно отдельное существование текста и иллюстраций. Часто «непонятные» взрослым или даже немного пугающие их, эти книги находят отклик в детском восприятии, формируя представление ребенка о мире.

В настоящей статье вниманию читателей были предложены три эссе, посвященные особенностям японских книг с картинками, называемых *эхон*, практикам, связанным с их бытованием в Японии, а также непосредственным примерам подобных книг, сюжеты и от-

личительные черты которых — расположение текста и иллюстраций, обилие звукоподражаний — были проанализированы авторами. Авторы сознательно обратились к жанру ауто-этнографического эссе, чтобы показать, как осознание особенностей *эхон* пришло к ним через эмпирический опыт детских чтений, и с целью сохранения полевого контекста отмеченных открытий. Все авторы, акцентируя внимание на различных аспектах явления *эхон*, тем не менее, отметили одни и те же характерные особенности, выделяющие *эхон* в самостоятельный жанр среди иллюстрированных книг детской литературы. Это ее принадлежность к визуальной литературе, но с предписанием прочтения вслух; обилие ономотопей; синкретичность всех составляющих, ведущая к целостному восприятию, которое, в свою очередь, усиливает приобретение социального капитала ребенком; дидактическая составляющая, интерактивность, требующая высокой вовлеченности со стороны взрослых, превосходящей чтение как таковое. В свой черед, данная необходимость контрастирует с такой отличительной чертой *эхон*, как непонятность взрослым, отмеченная авторами. *Эхон* требует дальнейших исследований, но авторы выражают надежду, что им удалось выявить основополагающие особенности данного жанра.

Примечания

Здесь и далее перевод цитат из японских источников авторами статьи.

Кинукава [2008, с. 80] раскрывает данную особенность через описание «пустой» картинки *эхон*, предшествующей кульминации в развитии сюжета.

¹ <http://www.mcfh.or.jp/>

² <http://www.mamanavi.tv/advice/edu/home/library2.html>

³ http://www.sapporo-shakyo.or.jp/volunteer_lab0/detail/3775.html

⁴ Информация о количестве «детских салонов» получена на сайте мэрии г. Саппоро по состоянию на 20.01.2017 (<http://www.city.sapporo.jp/kodomo/kosodate/r2.html>).

⁵ В 2015 г. общие продажи данной книги превысили 5 600 000 экземпляров (данные с сайта издательства: <http://www.doshinsha.co.jp/search/info.php?isbn=9784494001019>).

Источники

- [Киёно С.] キヨノサチコ 『はっばらばなし』 (Паппара панаси) Токио: 偕成社, 2013 (1986). 32 с.
- [Киёно С.] キヨノサチコ 『ノンタンぶらんこのせて』 (Нонтан, дай покачаться на качелях!) Токио: 偕成社, 2010 (1976). 32 с.
- [Киёно С.] キヨノサチコ 『あかんべノンタン』 (Акамбэ Нонтан) Токио: 偕成社, 2013 (1976). 32 с.
- [Кимура Ю.] きむら ゆういち 『はみがきあそび』 (Хамигаки асоби) Токио: 偕成社, 2013. 36 с.
- [Маки Ф.] 真木文絵 (авт.), 石倉ヒロユキ (илл.) 『おやさいとんとん』 (О-ясай тон-тон) Токио: 岩崎書店, 2012. 16 с.

6. [Maцуи Н.] 松井紀子 『じゃあじゃあ びりびり』 (Дзя:-дзя:, бири-бири) Токио: 偕成社, 2011 (1983). 22 с.
7. [Мацутани М., Сегава Я.] 松谷みよこ (авт.) 瀬川康男 (илл.) 『いないいないばあ』 (Инай-инай баа) 童心社, 2011 (1967). 20 с.
8. [Сакураи Х.] さくらい ひろし 『はみがきしゅっしゅっ』 (Хамигаки сю-сю) Токио: 永岡書店, 2013. 10 с.
9. [Таникава С., Мотонага С.] 谷川俊太郎 (авт.) 元永定正 (илл.) 『もこもこもこ』 (Моко моко-моко) 文献出版, 2004 (1977). 29 с.

Исследования

Asaka, S. The Idea of Inclusion as Represented in Japanese Children's Books. Paper presented at International Board on Books for Young People, Mexico City, 2004. 09.13. С. 191–197.

Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2004.

Елисеева М. Б. Книга в восприятии ребенка от рождения до 7 лет. М.: Сфера, 2008.

[Кинукава Ф.] 絹川文仁 「演劇的アプローチによる絵本の読み聞かせの一提言—あかんべノンタンを題材に— (Драматургическое чтение эхон: на примере «Акамбэ Нонтан») 千葉経済大学短期大学部. 研究紀要. 2008. №4. С. 71–84.

[Оотомо Я. и Оотомо С.] 大友康匠、大友幸子 『2人でノンタン』 (Нонтан вдвоем) Токио: 文藝春秋, 1982.

Пижаже Ж. Психология интеллекта. СПб: Питер, 2004.

Пиленко Н. Б. Своеобразие японской письменности как предпосылка развития визуального мышления и художественных навыков [Электронный ресурс] // «Медиа-скоп». 2014 № 1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1493>

Рубец М. В. Когнитивные особенности китайской культуры и языка // Психология и психотехника. 2013. № 11. С. 1120–1133.

[Сигэру С.] 白木茂 『児童文学辞典』 (Словарь дет. лит.) Токио: 東京堂出版, 1970.

Скаф М. К. Визуальная литература. Фигуры речи и тропы. // Детские чтения. 2012. № 2 (006). С. 209–219.

[Энциклопедия дет. лит.] 『児童文学事典』 日本児童文学学会編 (ред. Японского общества детской литературы), Токио: 東京書籍. 1988.